

Глава 15. Свирепый дух и змея с ядовитым жалом

— Так ты теперь собираешься по-настоящему жить с Хо Сином? — спросила Лю Цюн. — Судя по тому, как ты только что заступился за тещу.

— Э-э... ну, вроде того, — Мяо Ин протянул руку и почесал затылок. — Раньше я просто был несмышлёным.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — сказал Мяо Дун. — Если будешь как следует жить с Хо Сином, дальше всё у тебя пойдёт правильно. Кстати, помнишь, недавно Чэнь Эрва разбогател и даже дом у себя отремонтировал? Деньги-то не ты ему дал?

Мяо Ину стало не по себе. Эти деньги... скорее всего, прежний Мяо Ин украл их у семьи Хо, а потом отдал тому самому Чэнь Эрва.

Он решил прикинуться дурачком и неловко улыбнулся. От этого Мяо Дун совсем потерял дар речи — уже хотел стукнуть его по голове, но Лю Цюн тут же его остановила:

— Хватит.

Мяо Дун зыркнул на него:

— Смотри, больше не вздумай чудить.

Мяо Ин закивал, будто клюющий рис цыплёнок. Видя это, Мяо Дун вдруг и сам не знал, что ему ещё сказать.

Только теперь Мяо Ин заметил, что пришли они не с пустыми руками, а с зерном. У него даже глаза распахнулись. В душе он мысленно извинился перед той матерью с сыном за свои предвзятые мысли.

— Знаю, у вас людей много, а земли мало. Налоги заплатите и почти ничего не остаётся, — Лю Цюн похлопала его по плечу. — Сяо Ин, хорошо жить — важнее всего.

Семья Мяо жила куда зажиточнее, чем семья Хо. Отец Мяо был мясником, Мяо Дун перенял его ремесло, да и земледельцы они были умелые, так что жилось им вполне неплохо.

Мяо принесли мешок риса, пусть и не нового, но всё равно куда лучше грубой муки, которую ели в доме Хо. Был у них и мешок муки — чистой, пшеничной. Мяо Ин слышал, что обычно это невестки стараются помогать родному дому, а тут он впервые столкнулся с тем, что, наоборот, родня помогает ему.

Заметив его взгляд, Мяо Дун пояснил:

— Мясо всё распродали, остались только свиные потроха. Ты их не любишь, вот и не стал тебе их приносить.

Внутренний голос Мяо Ина бил себя в грудь и причитал: «Да потроха же тоже вкусные!», но на лице он этого никак не показал.

— Спасибо, мама, спасибо, старший брат.

Мяо Дун и Лю Цюн переглянулись и с некоторым удивлением посмотрели на него.

Позже Мяо Ин то прямо, то намёками попытался разузнать кое-что о прежнем Мяо Ине. Мяо Дун посмотрел на него с подозрением, и Мяо Ину пришлось оставить расспросы, переводя разговор на обычные семейные дела.

В кухне Ли Хунъин и бабушка сидели с непростыми лицами. Поведение Мяо Ина за последние дни уже почти заставило их забыть, каким он был раньше.

То, что Мяо Ин когда-то сбежал с другим, было семейным позором, о котором никому они не рассказывали. Поэтому о том, что Мяо Ин был ранен, семья Мяо тоже ничего не знала. Подумав, Ли Хунъин решила всё же не говорить об этом сватье.

Хо Син вернулся домой с куском жирного мяса. Он решил, что Мяо Ин давно не ел мяса и, наверное, будет сильно ему рад.

Лю Цюн говорила, что у неё куча дел, но всё же решила остаться и пообедать здесь, а заодно посмотреть, как на самом деле живётся Мяо Ину дома.

Ли Хунъин и сама знала, что готовит неважно. Когда Хо Син вернулся, Мяо Ин очень сознательно направился на кухню, оставив Мяо Дуна и Лю Цюн во дворе стоять в полном недоумении.

За все те с лишним десять лет, что Мяо Ин жил дома, никто ни разу не видел, чтобы он заходил на кухню.

Увидев купленный Хо Сином огромный кусок чистого сала, Мяо Ин замолчал. Перед таким куском он действительно растерялся — не знал, с какой стороны к нему подступиться и что вообще с ним делать. В итоге он посмотрел на Ли Хунъин.

Ли Хунъин в последнее время часто с ним общалась и ещё с прошлого раза, когда они ходили за покупками, заметила, что Мяо Ин не очень-то любит сало. Делать было нечего — она сама взяла лопатку и решила приготовить мясо так, как они готовили у себя раньше.

Капуста, редька, крахмальная лапша и куски сала — всё это отправилось в один котёл тушиться. Хо Сина она попросила сходить купить тофу, а сама поставила на пару целую кастрюлю лепёшек из смешанной муки. Использовать хорошую белую муку, принесённую семьёй Мяо, ей было неловко, поэтому взяла всё ту же грубую муку из своего дома.

Глядя на этот огромный котёл с едой, Мяо Ин особого аппетита не почувствовал.

Хо Син после покупки мяса заметил, что блеск в глазах Мяо Ина будто погас, и никак не мог понять, почему тот, получив мясо, стал только мрачнее.

Ли Хунъин отправила Мяо Ина во двор — принимать родню. Ему пришлось, скрепя сердце, продолжить осторожные расспросы. Из слов матери и брата он узнал о прежнем хозяине этого тела ещё немного.

Если подытожить — всего тремя словами: обжора и лодырь.

Мяо Ин тихо вздохнул. Эти три слова не имели с прежним им ничего общего. Он думал, что раз тот Мяо Ин смог сбежать с каким-то олухом, значит, дома с ним плохо обращались. Но судя по всему, в семье Мяо его как раз баловали. И кто знает, чем он тогда думал — словно осёл лягнул по голове, раз влюбился в хулигана, да ещё и поплатился жизнью за деньги.

Вскоре обед был готов. Обычно они ели во дворе, за маленьким столиком, но сегодня, когда пришли сваты, стол накрыли в главной комнате — поставили большой квадратный стол и высокие лавки.

Мяо Ин помог Ли Хунъин поставить на стол таз с большим котлом тушёного мяса, а Хо Сяобао носил миски. Видя, какой он смышлённый и послушный, Мяо Дун достал из рукава кусочек сахара и отдал его мальчику.

Когда все вошли в зал, Мяо Ин плюхнулся на лавку. Его зад ещё толком не коснулся сиденья, как Мяо Дун уже дёрнул его вверх.

— Это место тебе кто разрешил занимать?!

Мяо Ин даже не успел вырваться, как Хо Син перехватил его и освободил из рук Мяо Дуна.

— Ничего страшного, — сказал он.

Мяо Дун пожал плечами, усадил бабушку на то самое место, куда сел Мяо Ин. Затем за стол сели Ли Хунъин и Лю Цюн, и только после этого трое молодых заняли свои места.

Зная их семейные обстоятельства, Мяо Дун и Лю Цюн не стали расспрашивать о Хо Сане. Обед начался спокойно и мирно.

На столе стоял один большой таз с тушёным, миска лепёшек из смешанной муки и тарелка солений — для них это уже был по-настоящему богатый стол.

Мяо Ин взял лепёшку и начал её рассеянно есть. Рядом с ним Хо Сяобао держал миску обеими руками, и ел так, что всё его лицо было в мясном бульоне. Мяо Ин повернул голову и увидел, как мальчик с удовольствием проглатывает кусок сала. Сидящий напротив Мяо Дун тоже ел сало с большим аппетитом. У Мяо Ина возникло ощущение, будто весь этот жир застрял у него в груди, и он стал жевать лепёшку ещё медленнее.

Проглотив мясо, Мяо Дун заметил, что Мяо Ин смотрит на него, не мигая. Он уставился в ответ и удивился. Сегодня ведь мясо, да ещё его любимое, сало, а тот даже не притронулся. Это с каких пор он таким стал?

За столом Ли Хунъин, бабушка и Лю Цюн беседовали о домашних делах. Мяо Ин переводил взгляд с одного человека на другого. Хо Сяобао и Мяо Дун просто усердно ели, Хо Син, как обычно, выглядел отстранённым, будто думал о чём-то своём. В целом обед прошёл не так уж тяжело.

После еды Мяо Дун и Лю Цюн собрались домой, путь у них был неблизкий. Мяо Ин проводил их до выхода из деревни. По дороге они чувствовали на себе взгляды всей деревни — любопытные, оценивающие, не отрывающиеся.

Мяо Ин уже к этому привык: стоило ему выйти из дома, как деревенские начинали тыкать в него пальцами и перешёптываться. А сейчас они шли втроём — и от этого зрелища встречные прохожие невольно робели, будто навстречу им двигались не люди, а какие-то чудовища.

Мяо Ин посмотрел на Мяо Дуна. Тот и не подумал отводить взгляд, он уставился в ответ. Лю Цюн лишь беспомощно вздохнула и велела Мяо Дуну идти быстрее.

Мяо Ин фыркнул и рассмеялся. Вот идут они втроём: один — свирепый дух Мяо Дун, вторая —

злая, грозная мать, а себе он тоже придумал прозвище — Ядовитая змея. Всё равно в глазах других они были не людьми, а чем-то опасным.

Когда они вышли за пределы деревни, Лю Цюн снова похлопала Мяо Ина по плечу:

— Сяо Ин, живи дальше как следует. В семье Хо, кроме твоего свёкра, все люди хорошие, с ними легко ладить.

Мяо Ин кивнул:

— Я знаю.

— Раз знаешь, так больше не вздумай глупить, — добавил Мяо Дун, тоже хлопнув его по плечу.

Мяо Дун был старше его на три года, и по всем правилам именно он должен был жениться первым. Но у Мяо Ина в деревне была такая дурная слава, что когда наконец нашлись сваты, Мяо Дун не видел ничего странного в том, что младший брат опередил его.

К тому же из-за свадьбы Мяо Ина приданое не осталось в доме — наоборот, семье пришлось немало отдать. Денег стало мало, а Мяо Дун не любил геров... за девушек выкуп был куда выше, так что он до сих пор оставался холостым.

Об этом Мяо Ин тоже слышал от Лю Цюн, и в нём невольно поднялось чувство вины:

— Тебе бы похудеть, тогда и жену легче будет найти. Если выкупа не хватит, я что-нибудь придумаю.

Мяо Дун фыркнул:

— Ты лучше о своей жизни думай. Моей женитьбой тебе заниматься не нужно.

Мяо Ин улыбнулся:

— Уже поздно. В следующий раз, когда вернусь к родным, тогда и поболтаем подольше.

Лю Цюн кивнула, и они с Мяо Дуном развернулись.

Мяо Ин махал им вслед, глядя, как одна фигура — полная, другая — худощавая, постепенно удаляются. В груди у него вдруг без всякой причины защемило, словно те желания, что он загадал в момент своего перерождения, одно за другим начинали сбываться.

У него появилась не только семья мужа, но и родня, которая искренне о нём заботилась.

Если бы ещё и денег было побольше...эх. Впрочем, и это не беда: врождённая «рабочая жилка» никуда не делась, захочет денег — заработает сам!

Мяо Ин глубоко вздохнул. Знал бы он раньше, что родные окажутся такими добрыми, то не пришлось бы ему так цепляться за семью Хо. Впрочем, эта мысль мелькнула и тут же исчезла. Хоть грехи совершал не он, расплачиваться всё равно нужно. Да и вообще, кроме Хо Сана, того старого хрыча, в семье Хо все были по-настоящему хорошими людьми.